

Читайте в серии:

АЛАЯ КОРОЛЕВА
СТЕКЛЯННЫЙ МЕЧ

Продолжение следует...

ВИКТОРИЯ АВЕЯРД

АЛАЯ
КОРОЛЕВА

Freedom
Москва
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
А19

Red Queen

Copyright © 2015 by Victoria Aveyard
Scarlet Guard symbol and King's Crest symbol © & ™ 2014 Victoria Aveyard
Endpapers illustrated by Amanda Persky.

All rights reserved. No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission except in the case of brief quotations embodied in critical articles and reviews

Авеярд, Виктория.

А19 Алая королева / Виктория Авеярд ; [перевод с английского В.С. Сергеевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с. — (Young Adult. Мировой бестселлер Виктории Авеярд).

ISBN 978-5-04-103445-0

Культовый мировой бестселлер.

Ее мир разделен по цвету крови. Она — Красная, отброс и бесправная рабыня. Они — Серебряные, элита королевства, и владеют могущественной магией.

Ее зовут Мэра Бэрроу. Она родилась, чтобы навсегда изменить этот мир.

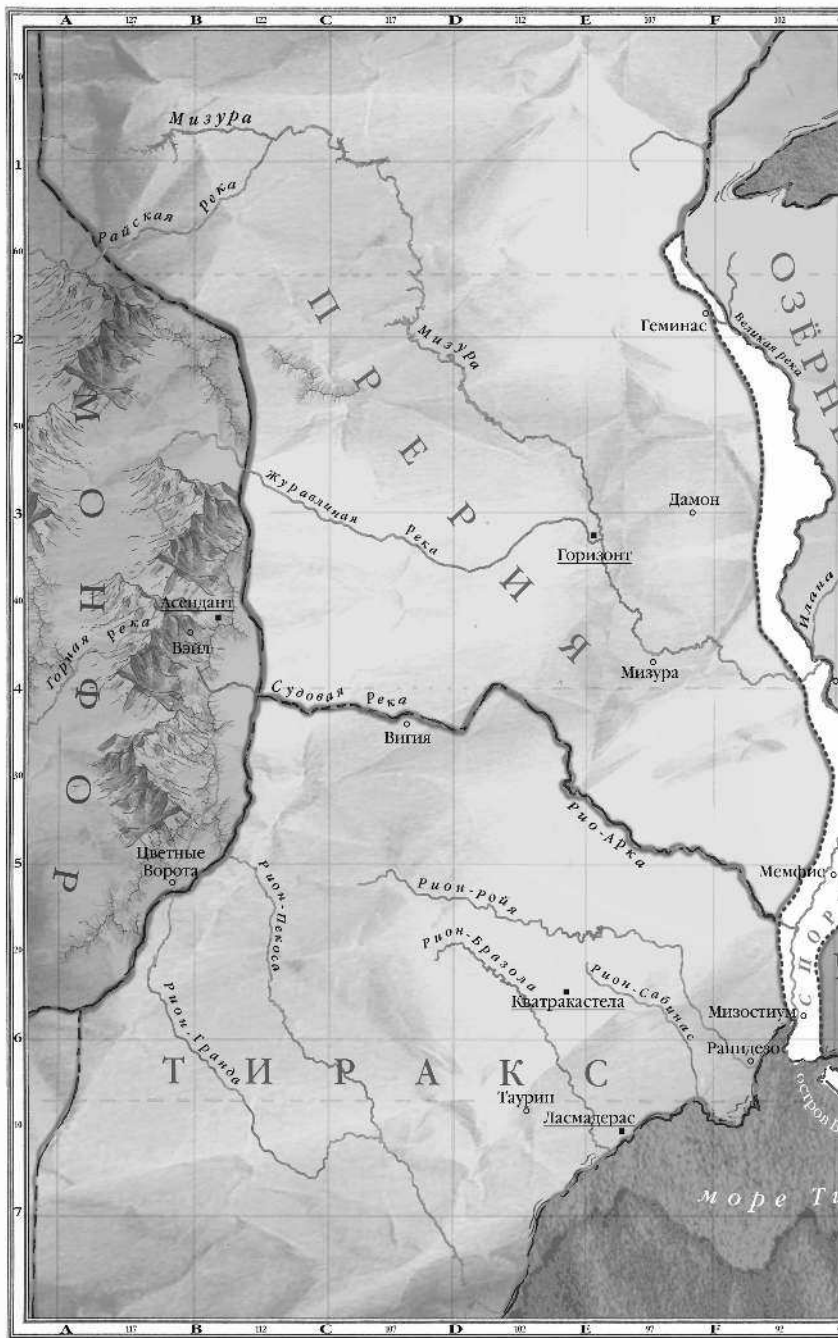
Оказавшись среди Серебряных, Мэра обнаруживает, что обладает весьма грозной и непредсказуемой силой. Притворяясь другим человеком, девушка вынуждена вести смертельно опасную игру. Она одна против всех. Против врагов. Против друзей. И даже против собственного сердца. Но Мэре необходимо помнить одно важное правило мира Серебряных — кто угодно может предать кого угодно...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Сергеева В. С., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103445-0

*Маме, папе и Моргану,
который всегда хотел узнать,
что произойдет дальше,
даже когда мне этого не хотелось.*

Глава 1

Ненавижу Первую Пятницу. В этот день в деревне всегда толпа народу, а сейчас, в жару, в разгар лета, меньше всего мечтаешь о многолюдье. Там, где стою я, в тени, еще не так плохо, но от запаха немых тел, вспотевших на утренней работе, буквально скисает молоко. Жарко и влажно. Даже лужи, оставшиеся после вчерашней грозы, нагрелись. В них виднеются радужные завитки масла и жира.

На рынке становится всё менеелюдно — день близится к вечеру. Торговцы рассеянны и беспечны, и мне нетрудно пожить чем хочется. В итоге карманы у меня полны безделушек, и есть еще яблоко на обратную дорогу. Всего за несколько минут. Неплохо. Толпа движется, и я позволяю человеческому потоку себя нести. Мои руки снуют туда-сюда, легкими порхающими прикосновениями. Несколько бумажных купюр из кармана, браслет с женского запястья — ничего громоздкого. Люди слишком заняты, бродя по рынку, чтобы заметить в самой гуще толпы воришку.

Дома на сваях, из-за которых деревня и получила свое название (Подпоры, очень оригинально),

стоят вокруг, возвышаясь метра на три над землей. Весной низкий берег полностью скрывается под водой, но сейчас август, и местные страдают от жажды и солнечных ударов. Почти все с нетерпением ждут Первой Пятницы, когда и работа, и уроки в школе заканчиваются рано. Но только не я. Честное слово, я бы предпочла сидеть в школе, в набитом детворой классе, и бездельничать.

Впрочем, мои школьные годы подошли к концу. Приближается мое восемнадцатилетие, а с ним и призыв. Меня не взяли в ученицы, я нигде не работаю, а значит, отправлюсь на войну, как все «бездельники». Неудивительно, что никакой работы в округе нет: все мужчины, женщины и дети отчаянно стараются не угодить в армию.

Моих братьев послали на войну, когда им стукнуло восемнадцать, — всех троих отправили сражаться с Озерными. Один только Шейд умеет прилично писать и присылает мне письма, когда может. От других братьев, Бри и Трами, я уже больше года не получала вестей. Но отсутствие новостей — тоже хорошая новость.

Некоторые семьи годами ничего не знают, а потом обнаруживают на пороге сына или дочь, отпущенных на побывку, а иногда, к счастью, уволенных насовсем. Но обычно родным приходит письмо на плотной бумаге, с королевской печатью и короткой благодарностью за жизнь их отпрыска. Возможно, родители также получают на память и несколько пуговиц с изорванной в клочья формы.

Мне было тринадцать, когда ушел Бри. Он поцеловал меня в щеку и подарил нам с младшей сестренкой Гизой на двоих пару серег. Это были просто стеклянные бусины дымчато-розового закатного цвета. В тот вечер мы сами прокололи себе уши.

Трами и Шейд не стали нарушать традицию. Теперь каждая из нас носит в ухе полный набор из трех крошечных камушков, напоминающий о наших братьях, которые где-то сражаются. Я до конца не верила, что им придется уйти, пока не появился легионер в начищенных доспехах и не забрал наших парней одного за другим. А этой осенью придут за мной. Я уже начала откладывать и воровать, чтобы купить Гизе серьги, когда я уеду.

«Не думай об этом». Так обычно говорит мама. Не думай об армии, о братьях, обо всем на свете. Отличный совет, ма.

Дальше по улице, на перекрестке Мельничной и Маршевой, толпа густеет, к ней присоединяется еще больше народу. Шайка ребятишек, будущих карманников, снует в суматохе, орудуя липкими жадными пальцами. Они слишком малы, и им пока недостает проворства, поэтому охранники тут же вмешиваются. В обычный день ребят посадили бы в колодки или отправили в тюрьму, но полицейские тоже хотят отпраздновать Первую Пятницу. Они ограничиваются тем, что дают вожакам несколько крепких затрецин, и отпускают их. Повезло.

Ощутив легчайшее давление на талии, я разворачиваюсь. Это инстинкт. Я хватаю за руку дурака, который додумался полезть ко мне в карман, и стискиваю ее посильнее, чтобы гаденыш не сбежал. Но вместо какого-нибудь тощего пацана я обнаруживаю перед собой ухмыляющееся знакомое лицо.

Килорн Уоррен. Помощник рыбака, потерявший отца на войне. Возможно, мой единственный друг. Мы мутузили друг друга, когда были маленькими, но теперь, когда мы стали старше — и он перерос меня на целую голову, — я стараюсь избегать потасовок. От Килорна есть определенная польза. Например, он легко дотягивается до высоких полок.

— А ты стала проворнее, — говорит он, хихикая, и сбрасывает мою руку.

— Ну или ты тормозишь.

Он закатывает глаза и выхватывает у меня яблоко.

— Мы ждем Гизу? — спрашивает Килорн и жует.

— У нее сегодня есть предлог никуда не ходить. Она работает.

— Тогда двинули. Не хочу пропустить праздник.

— Какая это была бы трагедия.

— Ну, ну, Мэра, — дразнится он, грозя пальцем. — Я просто хочу сказать, что будет весело.

— А я просто хочу сказать, что тебя предупредили, придурок.

Но он уже устремляется прочь широкими шагами, вынуждая меня почти бежать, чтобы не отстать от него. Он виляет из стороны в сторону — такое ощущение, что вот-вот потеряет равновесие. «Моряцкая походка», — так называет эту манеру Килорн, хотя он никогда не был в открытом море. Наверное, долгие часы, которые он проводит в хозяйской лодке, пусть даже на реке, возымели на него определенный эффект.

Отца Килорна, как и моего папу, отправили на войну, но, в то время как мой вернулся, лишившись ноги и легкого, мистера Уоррена доставили обратно в обувной коробке. После этого мать Килорна сбежала, бросив маленького сына на произвол судьбы. Он умирал от голода, но тем не менее продолжал меня задирать. Я подкармливала его, потому что неинтересно пинать мешок с костями, и вот вам результат десять лет спустя. По крайней мере, его взяли в подмастерья и не отправят на войну.

Мы доходим до подножья холма — толпа там еще гуще, со всех сторон нас тычут и толкают. Посещение праздника Первой Пятницы обязательно, если только ты не являешься «ценным работником», как Гиза. Как будто вышивка по шелку — это жизненно важно. Впрочем, Серебряные любят шелк, не так ли? Даже охранников, во всяком случае, некоторых, можно подкупить безделушками, вышитыми моей сестрой. Нет-нет, я об этом ничего не знаю.

Тени вокруг нас сгущаются, пока мы поднимаемся по каменным ступеням, направляясь к вер-

шине холма. Килорн шагает через две ступеньки зараз, и я отстаю, но тут он останавливается, чтобы подождать меня. Он ухмыляется, глядя сверху вниз, и отбрасывает с зеленых глаз выгоревшую рыжеватую прядь.

— Иногда я забываю, что ножки у тебя еще детские.

— Лучше, чем детские мозги, — огрызаюсь я, отвесив ему легкую оплеуху, и прохожу мимо.

Смех Килорна летит за мной.

— А ты сегодня ворчливей, чем обычно.

— Просто я всё это ненавижу.

— Знаю, — негромко говорит он, в кои-то веки серьезно.

И вот мы на арене, залитой жарким солнцем. Ее возвели десять лет назад; разумеется, это самое большое строение в Подпорах. Она в подметки не годится колоссальным городским сооружениям, но, тем не менее, высоких стальных арок и массивной бетонной чаши вполне достаточно, чтобы у деревенской девчонки захватило дух.

Повсюду сотрудники безопасности — их черно-серебряные мундиры выделяются в толпе. Сегодня Первая Пятница, и они ждут не дождутся зрелища. Они вооружены длинными винтовками и пистолетами, хотя и не нуждаются в них. Как водится, охранники сплошь Серебряные, а Серебряным нечего бояться нас, Красных. Это всем известно. Мы им не ровня, хотя чисто внешне этого не скажешь. Серебряные чуть выше — вот и всё, чем мы различаемся, по крайней мере,

с виду. Наши спины согнуты от тяжелого труда, напрасных надежд и неизбежного разочарования.

В открытом амфитеатре так же жарко, как снаружи, и Килорн ведет меня в тени. Нам не достанутся кресла, только длинные бетонные скамьи, но немногочисленные представители Серебряной знати, сидя над нами, наслаждаются прохладными удобными ложами. Там к их услугам напитки, еда, лед (даже в разгар лета), мягкие подушки, электрическое освещение и прочие радости, которые мне неведомы. Но Серебряные как будто не обращают на всё это внимания — они жалуются на «скверные условия». Ух, я бы показала им скверные условия. Мы-то вынуждены довольствоваться жесткими скамейками и несколькими визгливыми экранами, непереносимо яркими и шумными.

— Ставлю дневной заработок, что сегодня будет очередной сильнорук, — говорит Килорн, швырнув на арену огрызок яблока.

— Я не стану спорить.

Многие Красные проигрывают заработанные гроши, делая ставки в надежде получить небольшую сумму, которая поможет им протянуть следующую неделю. Но только не я. Не хочу заключать пари даже с Килорном. Гораздо проще срезать у букмекера кошелек, чем пытаться у него выиграть.

— Не стоит так глупо тратить деньги.

— Если я прав, то ничего не потеряю. Сильнорук всегда побеждает.